

лями не обнаружен. Считается, что он принадлежит русской традиции. Однако вопрос о том, где первоначально возник этот эпизод, решается по-разному. По мнению А. И. Кирпичникова, сказание о Дмитриии, освободившем двух девиц от Мамай, возникло вначале как книжное. Затем оно получило две версии: одну проложную, другую песенную.⁴ Исследователь приводит эпизод с девушками по прологу XVI в. Воевода говорит полонянкам: «Вы хитры еста рукама. Сшита ми на плащанице образ бога вашего Дмитрея под ногама моима и коня моего и мене напишите на кони с копьем и аз ударил святого Дмитрея копьем в горло а он валяется под ногама коня моего». Девушки притворно соглашаются, но между собой договариваются изобразить Дмитрия, поражающего копьем воеводу, и т. д.⁵ А. И. Кирпичников считает, что в сказание о Дмитриии чудо о девицах перешло из сказаний о святом Николае.⁶

Мотивы чуда с девицами в свою очередь проникают в фольклор. И. Н. Жданов приводит легендарную версию сказки о Федоре Борме. Согласно этой версии, весь Вавилон разорен змеем, только одна церковь сохранилась, «а в ней у Егорья Победоносца да Митрия Салынского хранятся и порфира, и корона, и жезлы, и скипетры царские, да жива есть еще там девица, которая вышивает ковер Егорью Победоносцу да Митрию Салынскому». Федор Борма проникает в церковь и просит девушку помочь ему. Она отдает ему ковер, «который... вышила золотом и серебром с ликами Егорья Победоносца и Митрия Салынского», и велит ему раскинуть ковер на воду и везти сокровища к царю православному.⁷ Б. М. Соколов описывает икону с надписью «Святой Димитрий победи царя Мамай и всю силу его вражью». Здесь Святой Димитрий изображен на белом коне. В руках у него копы, которым он поражает царя. Царь Мамай изображен в виде старика, в богатой одежде, в зеленой шапке с меховой опушкой. Он лежит на павшем коне и загораживается щитом; другая рука, с мечом, уже опустилась.

Исследователь предполагает влияние иконы на стих.⁸ Однако икона не объясняет сюжета, она объясняет лишь появление Мамай на месте сарацин. Создание стиха на основе восприятия иконы во всяком случае очень сомнительно.

Необходимо объяснить исторические обстоятельства, которые могли подсказать применение греческого жития о Дмитриии Солунском, хорошо известном на Руси с очень раннего времени, к русской действительности. Известно, что почитание Дмитрия Донского и официальные воспоминания о Куликовской битве были связаны с образом Дмитрия Солунского. Поминание по убитым на Куликовом поле совершалось в дмитровскую субботу, между 18 и 26 октября; Дмитрий Донской был на Дмитрия Солунского именинником.⁹ Это сближение могло дополняться еще и традиционным восприятием греческого святого как героя, воина, спасителя родного го-

ники некоторых духовных стихов. — ЖМНП, 1877, октябрь, стр. 146—147; Б. Соколов. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе. — Этнографическое обозрение. М., 1909, № 2—3, стр. 183.

⁴ А. И. Кирпичников. Особый вид творчества в древнерусской литературе. — ЖМНП, 1890, апрель, стр. 310—313.

⁵ Там же, стр. 311, см. также стр. 310.

⁶ Там же, стр. 312.

⁷ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. 11.

⁸ Б. Соколов. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе, стр. 184—185.

⁹ А. И. Кирпичников. Особый вид творчества в древнерусской литературе, стр. 312.